

3-430/32

16-е ИЗДАНИЕ XVI ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ЦЕНА НОМЕРА — 10 КОП.

КРОКОДИ

№ 1 ЯНВАРЬ

МОСКВА 1937

Рис. Л. Баранцев

СТАРЫЙ ГОД (новому).—Ну и ребята! Прямо жалко с ними расставаться!..

МОЛЬБА О СЕРВИСЕ

Вы будете смеяться. Но это факт. Во всяком случае, говорят, что это факт. Говорят, что в некоторых торговых точках (правда, не у нас, а за границей, в Америке) над продавцами висят большие плакаты:

«Мы здесь для того, чтобы вы нас беспокоили».

И вот туда, в эту самую американскую торговую точку, приходит покупатель. Он, может быть, даже и не покупатель. Он, скорее всего, просто хочет поглядеть на разные товары и прицениться. А потом, когда-нибудь он придет в этот магазин и купит, что ему приглянется. Это, конечно, смешно. Но продавцы знают, что на сегодняшнее число покупки от него не дожدهшься. У них, у этих продавцов, глаз на покупателя наметанный. Они настоящего покупателя за сто шагов примечают. И вот приходит такой гражданин и продавец все же говорит ему: «Присядьте», пододвигает ему стул и показывает ему все товары, которые приглянулись этому мистеру. И даже те, на которые мастер внимания не обратил. И бывают при этом случаи, когда человек пришел так, за здоровьем живешь, а уходит с покупками. А если он уходит и без покупок, то, во всяком случае, уносит с собой из этой торговой точки хорошую память о продавцах и магазине.

Рассказывают, будто бы еще наблюдаются в Америке и такие явления: подержает машина к колонке набрать бензину. Ей отпускают этот самый бензин и за те же деньги проверят, не нужно ли что-нибудь починить в машине, подкрутить гайку, пристроить дверцу, чтобы лучше захлопывалась. И так далее. И, обратите внимание, совершенно бесплатно и даже без того, чтобы об этом попросили.

А в телеграфной конторе подателю телеграммы, особенно если он не дешный и не особенно разбирается в почтовых порядках, долго разъясняют, как устроить, чтобы телеграмма стояла дешевле, хотя телеграфу от этого — на первый взгляд — прямой убыток.

По-американски все это называется «сервис», по-нашему — «обслуживание потребителя».

Вы знаете, товарищи читатели, что самое неприятное, когда начинаешь рассказывать такие истории? Это ядовитые усмешечки, которые при этом появляются у многих слушателей и читателей. «Где уж нам уж выйти замуж! — усмеваются они с гражданской скорбью. — Одно дело — Америка, другое дело — мы. Нам еще до этого самого сервиса десятки лет скакать. Об этом нам еще только мечтать можно».

Что ж, товарищи, давайте помечтаем. Это принято в самых лучших домах. Помечтаем, товарищи, о сервисе, об этой прекрасной синей птице, которая уже давно акклиматизировалась в далекой стране долларов.

Помнится, совсем недавно, года три-четыре назад, собирались люди под новый год и мечтали вслух:

— Представьте себе, граждане, — мечтали люди, — что мы входим в закрытый распределитель и справляемся: скоро ли будут давать повидло по восемнадцатому талону карточки группы «Б»? И вдруг мы видим, что это уже не закрытый распределитель, что это уже большой, роскошный, залитый огнями магазин, вроде довоенного елисеевского. И вам говорят: «Повидло?! Извините, мы повидлом не торгуем. Можем вам предложить к празднику шоколадные конфеты разных сортов, фрукты, пирожные, торты и какао «Золотой ярлык»».

— И шампанского, — добавлял, давась от хохота, один из слушателей.

И все мечтательно смеялись. Это была мечта людей, стосковавшихся по хорошим кондитерским изделиям, по бескарточному отпуску масла, по розовой сочной ветчине, по той самой довоенной белой французской булке.

Вот эти самые люди, которые несколько лет назад считали далекой, несбыточной мечтой французскую булку в вольной продаже, сейчас хихикают, когда им говорят о сервисе.

Право же, товарищи, кое-где об этом начинают подумывать. Уже кое-что сделано. Уже проводники в поездах обходят вагоны и спрашивают, не нужны ли шашки, шахматы, не улыбаются злое, когда у них спрашивают о постель-

ном белье. Нам припоминается даже, что одно время в магазинах «Гастронома», завязывая покупки, давали палочку, на которой можно было нести эту покулку, чтобы не резало пальцы! Правда, в «Гастрономе» довольно скоро решили, что это излишняя роскошь и что как бы потребитель не загордился. Палочку забрали. Теперь запаковывают без палочек. Но прекрасную память о ней мы храним как первые робкие шаги этого самого сервиса. Пришли злые дяди из калькуляционных отделов, подсчитали, что это слишком дорого, и вытоптали эту нежную зеленую поросль сервиса.

Совсем недавно один гражданин остановился в провинциальной гостинице. Усталый после продолжительного путешествия, он пытался уснуть и не мог. Всю ночь громыкали чьи-то нарочито громкие шаги. Кто-то из всех сил стучал палкой по полу, по стенам и даже по потолку. Наутро невыспавшийся постоялец обрушился с жалобами на директора гостиницы.

— Это — безобразие, — кричал он. — Всю ночь кто-то стучал, громыкал, топал ногами. Неужели администрация не в силах обслужить постояльца хоть настолько, чтобы не шумели, когда он спит.

Директор расстроился:

— Как вы не понимаете?! Ведь это как раз и есть обслуживание нашей клиентуры. Ведь если бы по моему приказу коридорные не стучали, — крысы, прямо скажем, загрызли бы вас в постели.

И постоялец понял, что он неправ: это был уродливый эмбрион того самого, настоящего сервиса.

Мы не завидуем Америке, что у нее 25 миллионов автомобилей, что вся она изрезана чудеснейшими широкими автомобильными дорогами, что в пяти тысячах миль от Нью-Йорка вы можете в самой захолустной гостинице получить номер с холодной и горячей водой, что Америка битком набита замечательными, чудеснейшими электрическими бытовыми приборами, которые облегчают, делают приятной мучительную домашнюю работу. Мы знаем, почему этого у нас сейчас еще нет, и мы знаем, когда мы этого добьемся. У нас не хватает еще на это пока металла, специалистов, финансовых возможностей.

Но улыбка у нас не в дефиците. И нам хотелось бы, чтобы еще в этом году продавец улыбался нам в магазине, а официант — в ресторане (даже если бы вы заказали только стакан чаю). Нам хотелось бы, чтобы еще в этом году добрая воля торгового аппарата, работников коммунального хозяйства, связи, транспорта и всяких других очень важных отраслей нашей жизни была мобилизована на обслуживание потребителя, на обслуживание, достойное нашей замечательной эпохи.

Добрая воля у нас тоже не в дефиците.

А ведь добрая воля плюс улыбка — основное сырье для сервиса.

Нам хотелось бы, чтобы еще в этом году покупатель, который до сих пор был рад, если унесет из магазина ноги, унесил бы оттуда хорошее воспоминание о продавце, директоре магазина. Нам хотелось бы, чтобы в текущем году гражданин, вернувшись с почты или телеграфа, захлебываясь от волнения, говорил: «Какие замечательные люди сидят в 21-м почтовом отделении». И чтобы други отвечали: «Конечно, и в 21-м отделении люди неплохо работают, но в какое сравнение они могут пойти с персоналом 42-го отделения!»

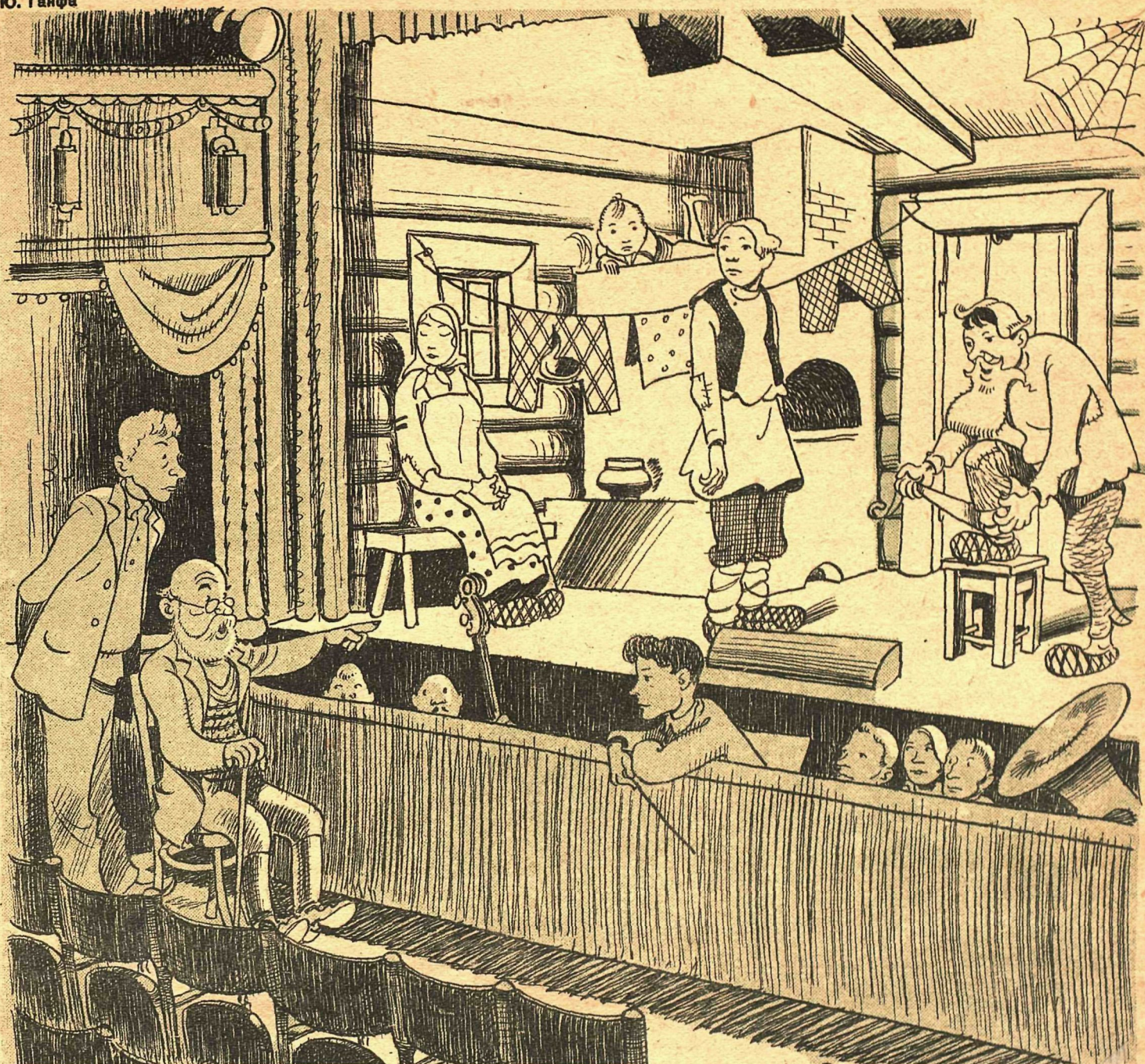
Нам очень хочется, чтобы еще в этом году гражданин, вернувшись домой, в свою уютную квартиру, из командировки, говорил: «Конечно, я очень рад, что, наконец, вернулся домой и сижу среди своих близких, но, право же, как хорошо и приятно мне было в гостинице, там, в Тамбове» — и чтобы тут же за столом он послал директору той самой тамбовской гостиницы теплую приветственную телеграмму.

Итак, с новым годом, товарищи! С новым сервисом!

Л. ЛАГИН

РЕПЕТИЦИЯ В КОЛХОЗНОМ ТЕАТРЕ

Рис. Ю. Ганфа

—Я как специалист по старой деревне официально заявляю: так онучи не заматывали!.

МИСТЕР ФЛЕЙШМАН ДЕЛАЕТ ДЕНЬГИ

В Америке такому человеку цены не было бы. О нем говорили бы: «Мистер Флейшман далеко пойдет! О, мистер Флейшман умеет делать деньги! Вот только жаль, что мистер Флейшман — коммунист. Но и это не так страшно: сегодня он коммунист, завтра — обыкновенный беспартийный деловой человек».

В других условиях он развернул бы большое дело. К сожалению, условия его работы в парткабинете Амур-Нижнепетровского райкома КП(б)У, в городе Днепрпетровске, свели размах его деятельности до пределов обыкновенного кустаря-одиночки без мотора и наемной рабочей силы. Любой другой коммерсант не мог бы сделать больше, чем сделал Флейшман. Не разорваться же ему на части!

Судите сами. Райком решил провести на всех предприятиях района политдень по вопросам международной политики СССР. Вопрос интересный, важный. Секретари парткомов и партторги валом повалили к заведующему партийным кабинетом райкома Флейшману, который по занимаемой им должности должен был подобрать докладчиков для низовых организаций. Флейшман сразу же поставил вопрос на деловую хозяйственную ногу.

— Дайте деньги — будет докладчик. Не дадите — воля ваша, оставайтесь без докладчика.

— Есть деньги? — спросил он у секретаря парткома Пищеторга.

— Есть.

— Сколько?

— Рублей сто.

— Хорошо, ждите докладчика. Пришлем.

Свободные деньги оказались только у шести организаций, и только на эти шесть собраний и пришел докладчик и сделал через пять колоду доклад.

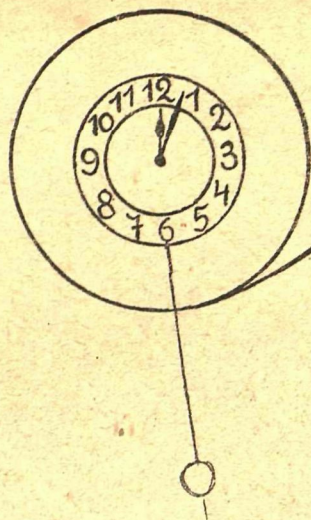
Закруглившись после ответов на вопросы, докладчик деловито подошел к обескураженному секретарю парткома и, потирая руки, предлагал гнать монету. Секретари мялись, пытались было что-то возразить, но потом, тихо стеной, выплачивали денежки. Ничего не поделавшись: уговор! Тем более — такой докладчик. Не уплатишь деньги — скандалу не оберешься. Лучше с Флейшманом не связываться. Особенно, когда это касается его кармана.

Читатели уже, наверное, догадываются, что хитроумный Флейшман сам себя посылал докладчиком на все эти шесть собраний.

Таким образом только на шести предприятиях из двадцати шести был проведен политдень по международной политике СССР. На этих шести политднях пользу получил только сам докладчик. Остальные двадцать предприятий, на наш взгляд, только выиграли, сэкономив деньги и не засорив голову своих рабочих и служащих путаным и неинтересным докладом Флейшмана.

Наступил 1937 год. Предвидится много животрепещущих тем для политдней как по международным, так и по внутренним вопросам. В связи с этим имеем честь поздравить заведующего партийным кабинетом Амур-Нижнепетровского райпарткома Флейшмана с наступающим новым хозяйственным годом.

И. БУШЕВ

диночество

Заставка Л. Бродаты

Половина двенадцатого.

Профессор Бибенко, заслуженный мостовик, сидит за столом и смотрит, как его домоуправительница Анисья Петровна режет телятину.

Профессор одет торжественно.

Внизу, возле стула Бибенко, лежит сеттер-гордон по имени Мистер.

Если года Мистера перевести на условный человеческий счет, то всем троим будет под двести.

— На, ешь! — говорит Анисья Петровна и бросает Мистеру плоскую кость, вывороченную ею из телятины.

— Да вы бы ему того, для встречи нового года, мясца дали, — ходатайствует Бибенко.

Анисья Петровна отбирает кусочек мяса, который не жалко отдать собаке, и говорит:

— Это уж не собака, которая костей грызть не может. Да и шерсть-то у нее... Теперешние собаки длинной шерсти не носят.

Но Бибенко не расположен вести разговор о собаках.

Он поглядывает на стенные часы с башенным звоном и подумывает, как бы не прозевать двенадцати: разлить, стоящую на буфете бутылку «Абрау-Дюрсо» как раз к бою.

— Пожалуй, пора отвинчивать, — говорит Бибенко.

Протягивает руку к «Абрау» и начинает крутить снабженную набалдашником пробку.

Мистер неприлично зевает.

— Йяу!.. — издает Мистер.

— Что, Мистер, грустно? — спрашивает его профессор.

И Бибенко тоже делается вдруг грустно.

На часах без четырнадцати двенадцать, скоро ударит полночь. Какая полночь!

Миллионы людей... Куда там — миллионы! Десятки миллионов людей сидят теперь, так же как он, за столиками: кто в тесном кругу семьи и друзей, кто в шумной компании, где-нибудь в ресторане... И только он, старый профессор Бибенко, сидит со своей домоуправительницей, да вот еще разве с Мистером, всеми забытый, никому в данный момент ненужный, и крутит головку пробки.

Да и головка-то то ли еще повернется, то ли отломится, оставив ему очень постыдный выход: откупоривать шампанское штопором.

Пробка повертывается и начинает напирать Бибенко на ладонь снизу.

— Да-а! — вздыхает Бибенко и сдерживает темперамент пробки. — Пересидел брат... Зажился! — говорит Бибенко.

И, отогнув набок пробки, выпускает излишек газа.

— Никому мы с тобой, старуха, ненужны! — говорит Бибенко.

Фактически положение вещей не так плохо: Бибенко получил целый ряд приглашений на встречу нового года. И даже только сегодня ему напомнили: из Дома ученых, из института и из компании студентов, сколоченной по дипломному признаку: проектирование мостов под руководством Бибенко.

Но Бибенко ответил:

— Нет, не могу, изживаю остатки гриппа.

Ответ был правдивым, и тон приглашения искренним.

Однако каждый раз, возвращая на рычаг трубку, Бибенко иронически расшифровывал:

— Исполнили долг, позвонили! Ну а раз его, старого подледа, грипп привинтил, — наше счастье. Очень я им, поди, нужен!

— Да уж кому мы, старики, нужны? — соглашается, поджимая губы, Анисья Петровна.

И, настроенная на печальный лад, вспоминает:

— А старушка-то из двадцать второго номера опять под ломовика ввалилась!.. Другие: кто под автомобиль, кто под трамвай, а эта все по-старинке!

— Старомодная женщина! — рассеянно отвечает профессор и разливает шампанское по бокалам, укрощая задержками пену.

— Вот оно, одиночество-то! — кряхтя поясняет Бибенко.

Позиция одиночества кажется ему более красочной, чем неопределенные 36 и 9, навязанные ему изживаемыми остатками гриппа: температура, с которой можно и посидеть и не сидеть дома.

— Можно пить? — благоговейно касаясь бокала, спрашивает Анисья Петровна.

— Нет, пока подержите, — отвечает Бибенко. — Еще восемь минут осталось.

Бибенко берет бокал и, кашлянув, обращается к Анисье Петровне:

— Анисья Петровна! — провозглашает Бибенко и укреплается на позиции.

— Анисья Петровна!.. Мы с вами одни: вы и я... Но следует ли из-за этого огорчаться? Я думаю, что не следует. Почему?.. Не следует потому, что наша страна, наша прекрасная родина, поставлена теперь на твердые рельсы. К будущему перекинут мост! Верхнее строение моста сделано из надежного материала, устой моста покоятся на плотном скалистом грунте.

Бибенко констатирует с удовольствием, что тема затронутого им большого вопроса так легко и красиво укладывается в близкие ему термины.

— Анисья Петровна! Мы одиноки, но наше одиночество

меня не смущает.— Бибенко косится на часовую стрелку.— Те напряжения и те усилия... которые...

— Трр!..— гремит телефон рядом, в передней.

— А, чтоб тебя! — хочется плюнуть Бибенко.— Алло! Кто? Студент?.. Верхушкин?.. Да, момент важный! Только он у вас на опорах навран... Что? Не про тот момент?.. С новым годом?.. Ну спасибо, спасибо!.. Вас тоже!

— Разлетелся! — положив трубку, объясняет Бибенко.— Позвонил там, небось, своей Танечке-Манечке, а в мозгах то мой номерок застрял: остаточная деформация. Я из этого Верхушкина на защите проекта дно вышиб.

Бибенко поднимает бокал.

— Итак, наше одиночество, Анисья Петровна...

— Трр...— гремит телефон.

— Алло! — отвечает Бибенко.— Кто?.. Товарищ директор?.. Евгений Петрович, простите, тут у меня часы начинают хрипеть, секунду...

Бибенко оставляет на шнуре трубку.

— Бьют! — спеша говорит Бибенко.— Хлебнем, Анисья Петровна!.. Ваше!..

— Алло! — говорит в трубку Бибенко.— Из института? Спасибо, спасибо... Газ, говорите? Да у меня тоже чуть пробку из рук не вышибло... Не такой газ?.. Автомобиль «ГАЗ» прислать думаете?.. Нет, не поеду... Ну, все-таки 36 и 9... А потом у меня тишина... Жаль, жаль... Мне самому, жаль, спасибо... Горячее поздравление всем... Спасибо.

Бибенко кладет трубку.

— Трр...— гремит телефон.

— Да что это они: под рукой взрываются!.. Алло! — откашливаясь, говорит Бибенко. Алло!.. Студент Доппельман?.. Это у которого подвесная часть?.. Спасибо, спасибо... И сам поздравлюсь и ее поздравляю...

— Вас поздравляет, — сообщает Бибенко.

— Здрасьте!..— говорит Анисья Петровна.— Днем прибежал, трубками все махал,— Анисья Петровна называет чертежи трубками,— и ночью все поздравляет!.. Одинокому человеку рюмки допить нельзя.

Бибенко поднимает бокал.

— Итак!.. Наше одиночество, Анисья Петровна...

Гремит телефон.

— Высказывались бы сразу, товарищи...— с кислотой произносить Бибенко.— Алло!.. Профессор Бибенко!.. Ошибка?!

Бибенко кладет с облегчением трубку.

— Хоть этот-то пожалел!

— Чужой всегда более пожалеет,— говорит Анисья Петровна. И демонстративно, как квас, наливает себе шампанского.

— Итак!..— поднимает бокал Бибенко.

— Трр...— гремит телефон.

— Я слушаю! — сердито кричит Бибенко.— Кто?! Ах, профессор Сальников... от правления Дома ученых... Нет, не могу. Изживаю остатки гриппа... Ну да, рассказывайте!.. В институте, там без меня гоже скучно!..

Бибенко самодовольно ухмыляется.

— Подите!.. Нет, не могу: у меня 36 и 9. У вас триста?.. Больше? Человек четыреста?

Бибенко нерешительно смотрит на каменное лицо Анисьи Петровны.

— Нет, не могу. Изживаю остатки гриппа. Что... Вместе изжить? По-товарищески?.. Гм... Не то! Шума я не боюсь: у меня здесь шумнее: Трр-трр!.. Трр-трр!.. Передохнуть некогда! Как говорите?.. Линкольн за мной выслали?! Гм... это сложнее... Да нет, я одет... Хотел было в тихой компании встретиться, а она вот...

— Да не стучи ты! — топает Бибенко ногой на расчесавшегося шумно Мистера.

— Алло!.. А она вот: тр-тр! тр-тр!.. Ну хорошо!.. Сначала за мной, а потом и за той грешницей. Не знаю, что там у них: грипп, кажется...

— Анисья Петровна, достаньте шарф,— говорит извиняющимся голосом профессор Бибенко.

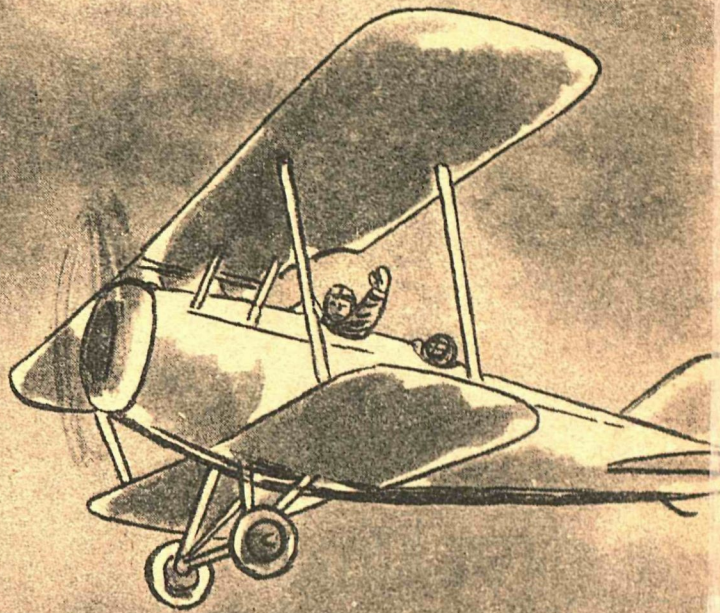
— Так!.. Загравили!..— злорадно говорит Анисья Петровна.— Вот человек о себе правду сказал: одиночество!

И идет доставать шарф, стараясь стучать каблуками как можно громче.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ЦИФРЫ РОСТА

Рис. Л. Генча

— Парень на глазах вырос. Он приехал из деревни в техникум пятитысячником, потом спустился в шахту метро десятитысячником, а теперь взвивается в воздух стопятидесяти-

РОДМАГ

...Холодным осенним ветром с вывески сдуло букву «П». Несчастливая буква со стоном прохнулась о камень мостовой и разбилась на мелкие щепы. Пострадавших не было. Так что заведующий даже не обратил внимания на это неважное происшествие. Исчезла буква с вывески — беда небольшая: за такую недостачу никто не взыщет.

Сдуло ветром букву, и теперь, судя по вывеске, на углу Сосницкой улицы находится не продмаг, а родмаг.

«Что мне в имени твоём?..» Кому какое дело до того, что написано и как написано на этой стандартной вывеске?

Попрежнему за давно немытым стеклом витрины висят торки незатейливых пачек кофе «Здоровье». И кассирша, юркая и холодная, как мраморная богиня, попережнему презрительно говорит покупателям:

— Чего? Жалобную книгу? Ее унесли в правление...

И попережнему от дверей магазина спозаранку до позднего вечера вьется пестрая лента очереди. Она уходит на соседнюю улицу, и конец ее теряется где-то в Дырявом переулке. Она колыхается, эта пестрая лента, и кричит, и шумит, и спорит, и судачит...

Вот в спокойствии чинном важно шествует по улице гражданка. Она одета в меховую тужурку цвета недожаренной яичницы. В руке огромная черная кошолка. Гражданка рассеянно смотрит по сторонам: она о чем-то думает или, может быть, мечтает.

Вдруг она встрепенулась, заволновалась, ее щеки зарделись, глаза заискрились тревожным огнем. Думы и мечты отлетели в сторону, как плохо пришитые пуговицы. Рысью она бросилась бежать через улицу, размахивая кошолкой и нарушая все установленные правила движения.

Что случилось? Почему важная гражданка в меховой тужурке внезапно обрела такую резвость?

Она увидела у описанного нами родмага выткнувшийся хвост очереди. Туда, в переулок, где обрывается этот длинный хвост, кинула наша гражданка все свои силы.

— Вы последний? Я за вами...

Затем, маленько отдышавшись, она спросила:

— Что дают?

— Камсу по седьмому талону для второй категории.

— И совсем не камсу, а по четвертому талону дают стручковый перец.

— Дают соду по девятому талону детской карточки. Это я перво знаю.

— А вот мне сказывали, что девятый отменен и вместо его по одиннадцатому полагается сарептская горчица.

Нашей гражданке ненужны ни камса, ни стручковый перец, ни сода, ни горчица. Она все же не покинет очереди.

Цели ли талоны? Кажется, все в полном порядке: вот и девятнадцатый, и девятый, и четвертый. Все это беречь надо, как зеницу ока. Ой, как надо беречь! Наднях у Марьи Петровны продавец по ошибке срезал семнадцатый номер, так она без махорки осталась. Махорку все-таки можно на молоко менять. Многие так делают. Но только вот плохо, что у молочниц молоко с водой.

Интересно, что в этом месяце будут давать по четырнадцатому талону первой категории? У нее у самой вторая категория: муж служащий. Но Голубева из седьмой квартиры — она первая категория, у нее красные карточки. Так она в прошлом месяце по четырнадцатому талону получила...

Но интересные мысли нашей героини были неожиданно прерваны. Какая-то женщина в голубом платке подошла и самым нахальным образом втиснулась в очередь перед нашей замечательной гражданкой в меховой тужурке. Конечно, такой наглой вылазке следует дать решительный отпор, что и было сделано.

Голубой платок стал огрызаться. Меховая тужурка яростно отстаивала свои права.

— Вот даже этот гражданин в картузе может подтвердить, что я заняла очередь раньше.

Но картуз был меланхолически настроен и решил держаться политики невмешательства. Это еще более поощрило агрессора в голубом платке.

— Дура! — крикнула она по адресу тужурки.

— Сама дура! — ответила тужурка и ехидно рассмеялась.

— Нахалка! — бросил голубой платок новый снаряд в неприятеля.

— От нахалки и слышу! — ответила тужурка, восторгаясь своим остроумием.

Незамедлительно в эту оживленную беседу включилась какая-то милая старушка. Из простой потребности развлечения, не интересуясь, кто прав, кто виноват, она набросилась на обеих.

Это сразу привело к перегруппировке сил. Молниеносно меховая тужурка и голубой платок заключают между собой оборонительный союз против неугомонной старушки.

Сражение принимало большие размеры. Но вдруг очередь стремительно поплыла. Оказалось, по двенадцатому талону давали петрушку. Но выдача прекратилась: для всех не хватало.

Лента у родмага стала расплзаться.

Сценку, которую мы здесь коротко описали, автор этих строк наблюдал ровно шесть лет назад. Теперь на углу Сосницкой улицы, на том самом месте, где стоял блаженной памяти родмаг, — большой, художественно оформленный гастрономический магазин.

Недавно, накануне нового года, я зашел туда купить папирос. И там, у прилавка, на котором сошками громоздились окорока, колбаса и сосиски, я увидел ее.

Она не была одета в меховую тужурку цвета недожаренной яичницы: на ней было хорошее сукожное пальто. Но я ее сразу узнал, эту участницу сражений в очередях покойного родмага.

Я подошел к ней и таинственно шепнул:

— Гражданка, по четырнадцатому талону второй категории дают воблу.

— Какой талон? Какая категория? Что вам надо?

Заподозрив что-то недоброе, она шарахнулась от меня в сторону. Видать, она все забыла.

Г. РЫКЛИН

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Если бы я
не влез в поэзию
сердцем,
мыслью,
глоткою,—

я б избрал себе
профессию

быть
подводной лодкою.

Вообще —
водица —

в ней трепещет
кит и лещ,

но когда
германский крейсер

вижу я
в походном рейсе,—

водяной пейзаж
зловещ.

Если ж это
порт Сеута

и фашисты
свозят с юга

самолеты,
пушки,

газ,—

быть подлодкой —

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

самый раз!

СЕМЕН КИРСАНОВ

В ДАНЦИГСКОМ КОРИДОРЕ

Рис. Ю. Ганфа

Соши
Вбегает
бу

— Вот служишь этим господам верой и правдой, а они, того и гляди, и из коридора тебя выгонят. Эх, доля ты наша холопская!

БУДНИ ИСКУССТВА

или

ОЧЕРЕДНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Иллюстрации А. Радакова

Скупое освещенная сцена обрывается в пропасть оркестра. Дальше — зрительный зал в полном мраке. Час дня. На сцене стулья, расставленные соответствующим образом, означают будущие декорации: стены, двери, кресла, кровать. Актеры ходят и сидят, шепчутся, смеются, актрисы рассматривают друг на друга предметы одевания. Помощник режиссера, в театре именуемый «помреж», пробегает с экземпляром пьесы подмышкой.

Помреж. Начинаем репетицию!.. Прошу со сцены... (Актеры перемещаются).

Выходит Режиссер в сопровождении Худого актера.

Худой актер. Я работать хочу, Святослав Ярославич!.. Я же в провинции еще в мирное время играл злодеев, так играл, что меня раз в мой бенфис публика била!..

Режиссер. Нашел, чем хвастаться!

Худой актер. Так ведь за что били? За правдоподобие игры... До сих пор шрам — видите?... Этот шрам да подстаканник — тоже от публики — буду беречь всегда!

Режиссер. Да, но в современных пьесах злодеев не бывает. Теперь все действующие лица — теплые. Смотришь пьесу, будто ванну принимаешь: 35 градусов по Цельсию, 28 — по Реомюру...

Худой актер. А с кем же в пьесах противоборство идет, если злодеев нет и все теплые?

Режиссер. Пора бы знать! На это теперь употребляются, так сказать, стихийные бедствия: землетрясения, наводнения, лавины, град, моровые поветрия... Товарищ помреж, какое у нас в этой пьесе бедствие?

Помреж. Саранча, Святослав Ярославич.

Худой актер (грустно). Саранчу мне не сыграть...

Хорошенькая актриса. Ужас какой — саранчу играть!.. У саранчи, в первых, колени назад, кто же это захочет себе фигуру портить?!

Режиссер. Ну, начнемте, товарищи! Сегодня попробуем разобрать пер-

вый акт. Анна Косьмодемьяновна, пожалуйста!..

Героиня выходит и садится у стула, изображающего окно, на стул, изображающий стул.

Помреж (суфлирует безо всякой видимости знаков препинания). Выстрелы хорошо если это наши стреляют а вдруг...

Героиня. Не подавайте, я знаю текст... Святослав Ярославич, я не могу репетировать, когда нету выстрелов... Это меня уводит...

Режиссер. Все потому, что вы не собраны!

Героиня. Нет, я собрана.

Режиссер. Если актриса собрана, она может внутри себя стрелять и даже вздрагивать от этого!.. Да-с!.. (Помрежу). Дайте ей выстрелы!

Помреж мрачно стучит стулом о пол.

Героиня (вздвигнув). Выстрелы... Хорошо, если это наши стреляют. А ну, как это саранча стреляет... Святослав Ярославич, я не понимаю этого места... Как это саранча может стрелять?

Режиссер. Все потому, что вы не работаете над ролью! Конечно, саранча стрелять не может. Но ведь это говорит женщина, которая боится за своего возлюбленного. Она, может быть, волнуется. Она, может, дура!..

Героиня. Кто дура?

Режиссер. Вы.

Героиня. Как вы смеете?!

Режиссер. То есть женщина, которую вы играете...

Героиня. Можете не оправдываться. Все равно я заявлю в местком.

Режиссер. Пожалуйста!.. А теперь давайте репетировать.

Героиня. А ну как это саранча стреляет?.. А он там, мой любимый... Может быть, какая-нибудь отдельная саранча вцепилась ему в шиколодку... Но что это?.. Я слышу шаги... Святослав Ярославич, я не могу репетировать, когда нет шагов. Это меня уводит.

Режиссер. Все ее уводит! Дайте ей шаги!

Помреж тем же стулом, каким воспроизводил выстрелы, представляет шаги.

Режиссер. Полегче! Ведь это герой-любовник идет, а не саперная рога!

Героиня. Куздюмов — вы?

Любовник (вступая в репетицию). Я.

Помреж (суфлирует). В изнеможении опускается в кресло.

Героиня и любовник дружно опускаются на один и тот же стул, стукнувшись боками.

Режиссер. Анна Косьмодемьяновна, неужели трудно запомнить, кто и когда в изнеможении опускается в кресло?! Сейчас он опускается. А вы его приводите в чувство.

Героиня. Что с ним?! Воды! (Принимает нечто вроде кучерского междометия «тирру», означая этим, что брызнула водой).

Любовник. Где и?.. Саранча отступила, Калерия?

Героиня. Если бы вы знали, Куздюмов, как вы мне из-за этого стали дороги!.. Но что с вами, Куздюмов?

Любовник. Пустяки, Калерия... Я контужен саранчой. Профессор говорит, что мне нужно сделать переливание крови...

Режиссер. Анна Косьмодемьяновна, тут вы отходите в сторону, чтобы потом в порыве броситься к нему. На сколько шагов вы можете броситься в порыве?

Героиня. Ну... шага на три...

Режиссер. Мелкий у вас порыв!

Героиня. А вы хотите, чтобы я в порыве пробежала пять километров, как братья Знаменские?

Режиссер. Я попросил бы исполнять художественные указания режиссуры! Идите во-он туда, в угол!

Героиня, ворча, плетется в дальний конец сцены. Можно разобрать только несколько раз произнесенное ею слово «формализм».

Любовник. ...мне нужно сделать переливание крови, Калерия!

Героиня (бежит к нему, споткнулась и упала). Ну, вот так и знала!..

Режиссер (творчески горячо). Хорошо! Так и говорите!

Героиня. Лежа?

Режиссер. Лежа.

Героиня. Это натурализм.

Режиссер. Можете и об этом заявить в местком. А теперь репетируйте.

Героиня. Возьмите мою кровь, Куздюмов!

Любовник. Ни за что, Калерия!

Героиня. Интересно, долго мне еще лежать?

Режиссер. Можете подползти к нему. Ползайте!.. Так! Говорите!

Героиня. Вы мною брезгуете, Куздюмов!

Любовник. Глупая!

Режиссер. Поцелуй! Так! Взались об руку! Пошли переливаться! Так. Калерия вернулась ослабевшая... Ослабевшая, вы понимаете?! Пусть вас заносит, ну, в левую сторону!.. Так. Теперь вы можете в изнеможении опуститься в кресло. Вы этого давно хотели...

Героиня. Я не могу опускаться в изнеможении на такой убогий стульчик. Это меня уводит.

Режиссер. Ну, знаете, то, что вас все время уводит,—это меня приводит! Опускайтесь!

Героиня (села). Как я слаба... Но мысль, что моя кровь—теперь уже кровь моего дорогого Куздюмова, придает мне силы... Что это? Я слышу шаги... Опять нет никаких шагов!

Режиссер. Дайте ей шаги, пока ее не уводит!.. (Помреж стучит стулом). Легче! Это же любящая мать идет, а не обвал в горах!.. Да где же мать-то? Где Перерубова-Пополамская?

Помреж. Да ведь она в отпуску.

Режиссер. В каком отпуску?

Помреж. Известно, в каком: в декретном. Два месяца до родов, два—после...

Режиссер. Да я же ее вчера видел, и незаметно было!

Помреж. Вот незаметно, незаметно, а сегодня уже за версту заметно. Не передать ли роль Стрепетуевой?

Режиссер. Для Стрепетуевой это не в диапазоне. И вдруг она тоже—в отпуску... Нет! Переделаем роль на мужскую... Пусть не мать будет, а отец. Вот Творожич жаловался, что у него работы нет... Ему и дадим.

Помреж. Творожич! Где Творожич?!

Общие гул и вспомогательные крики. Вбегает Худой актер, дожевывая сухой буфетный бутерброд.

Режиссер. Творожич, принимайте роль!

Худой актер. Какую роль?

Режиссер. Роль матери. То есть, роль отца. То есть, мы переделываем роль матери на роль отца. Ваш выход. На сцене ваша дочь. Начали!

Худой актер. Господи, какая радость!..

Героиня. Кто там? Это ты, мама?

Помреж (суфлирует). Я, детка.

Худой актер (хриплым от волнения басом). Я, детка...

Героиня. Мама, я очень слаба...

Помреж. Что с тобой, я уже сама вижу твою бледность.

Худой актер. Что с тобой? Я уже

сама... то есть я сам... в общем, сразу выдаю.

Героиня. Мама, я отдала свою кровь Куздюмову...

Худой актер. Святослав Ярославич, то, что меня называют «мамой», меня немного сбивает с образа.

Режиссер. Да, лучше зовите его «папой».

Героиня. Куздюмов—такой герой!.. Ты поймешь меня своим женским сердцем, папа...

Режиссер. Так уже лучше (помрежу). И вы переделайте на мужской род все, что вы ему суфлируете.

Помреж. Калерия, дорогая, ты не зря зовешь меня отцом.

Худой актер. Калерия, ты это... правильно зовешь меня... этим... отцом.

Помреж. Это я родил тебя.

Худой актер. Это я тебя тово... родил.

Помреж. Я кормил тебя своей грудью.

Худой актер. Как—«грудью»? Святослав Ярославич, эта грудь меня сбивает с образа...

Режиссер. Переделаем так: «Я кормил тебя молоком».

Худой актер. Каким молоком?

Режиссер. Каким угодно. Хочешь—думай на коровье молоко, хочешь—на козье.

Худой актер. Я кормил тебя молоком...

Режиссер. И сейчас отдам тебе кровь взамен той, которую ты отдала Куздюмову.

Режиссер. Так. Взались за руки! Пошли переливаться! Вернулась одна мать... то есть один отец... Чей теперь выход?

Помреж. Выход отца.

Режиссер. Какого еще отца?

Помреж. А как же? Это-то отец раньше был мать, а теперь входит настоящий отец.

Толстый актер, играющий отца, приближается.

Режиссер. Два отца сразу—это многовато... Гм... Делать нечего, второго отца переделаем в мать... (Толстому актеру). Временно, значит, вы будете матерью, а потом мы что-нибудь придумаем. Давайте!

Помреж. Творожич, твоя реплика: «Я так ослабел... Но что это?.. Я слышу шаги».

Худой актер. Я так ослабел... Но что это?.. (Помреж стучит стулом). Не стучи, сделай милость, это меня сбивает с образа!..

Режиссер. Тьфу! То им стучи, то не стучи!.. Выход новой матери. Давайте! (Толстый актер выходит на середину сцены). Как вы идете? Вы же теперь мать! Дайте мне женскую характерность.

Толстый актер (подло вилая бедрами). Что с тобой? У-у?

Помреж (суфлирует). Помнишь ли ты нашу молодость, когда ты ухаживал за мной?

Худой актер. Теперь, кто же из нас за кем ухаживал в молодости?

Толстый актер. Да, Святослав Ярославич, кто из нас за кем ухаживал?

Режиссер. А чорт вас знает!.. Отложим эту сцену. Допустим, вы оба ушли переливать кровь...

Худой актер. А много у вас в пьесе таких переливаний из пустого в порожнее?

Режиссер. Шесть штук. Значит, вернулся один отец, который мать. А мать, который отец, ушла... ушел... ушло. Входит пионер Петя, десяти лет. Сын этих двух отцов.

Очень толстая актриса, играющая пионера Петю, подходит.

Толстая актриса. Святослав Ярославич, я хотела с вами поговорить.

Режиссер. Сейчас надо не говорить, а репетировать роль!

Толстая актриса. Я насчет роли... Вот я сорок лет играю детей...

Творчески я скучаю. Я бы хотела сыграть настоящую роль. Героини или инженеру...

Режиссер. Поздно вы схватились, матушка... Ну какая вы героиня?.. Детей еще, так-сяк, можете...

Толстая актриса. Всем роли переделываются, а мне—нет...

Режиссер. Давайте репетировать!.. Значит, на сцене этот... второй отец. Ослабевший. Входит пионер и предлагает свою кровь. Пошли.

Толстая актриса. Все одно и то же, все одно и то же... И так—сорок лет... (Входит, высоко выбрасывая ноги и якобы барабана по несуществующему барабану). Ра-та-та-га ра-та-та-та-га... Всегда готов! (Подымает жирную руку).

Толстый актер. Не шуми, мой мальчик, твоему папе... то есть теперь уже твоей маме, бо-бо... Твоя мама как настоящий мужчина отдал... то есть отдала свою кровь твоей маме... то есть твоей папе... Как хотите, Святослав Ярославич, так репетировать нельзя!

Режиссер. Да! На сегодня достаточно! (Помрежу). И на завтра вызовите мне автора. Надо же разобраться в этой чепухе, которую он тут написал... Все свободны, товарищи!

Актеры, весело загалдев, уходят. Толстая актриса идет слегка сзади режиссера и бубнит.

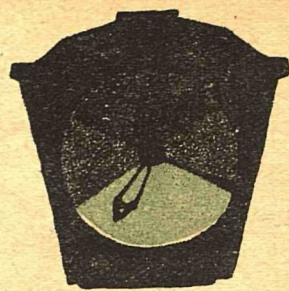
Толстая актриса. Святослав Ярославич, попросите вы завтра автора. Ну что ему стоит переделать мою роль ребенка на роль тетки или свояченицы!.. Молодая такая свояченица. Она легчик. Или профессор. И все в нее влюблены...

Режиссер. Да отвяжитесь вы от меня!..

В. АРДОВ

КОНЕЦ

Иллюстрации К. Ротова

Долго крепился младший милиционер Котошихин, таил в себе заветную свою мечту. Потом не выдержал и подал рапорт начальнику отделения.

В рапорте обо всем было сказано точно и кратко:

«Доношу, что сизмальства питаю страсть к стихосложению, каковая страсть в настоящий, текущий момент достигла громадного апогея. Прошу направить меня на вечерние курсы или в какой кружок. Желая освещать в стихах и песнях ударную деятельность бойцов рабоче-крестьянской милиции, регулирование правил уличного движения, а также и по личному вопросу. Прошу не отказать.

К сему мл. мил. Павел Котошихин».

Через два дня Котошихина вызвали к начальнику.

— Поэтом, значит, хочешь заделаться?—улыбаясь спросил начальник.

— Так точно,—ответил Котошихин, мучительно краснея.

— Дело хорошее! Ты пока в стенгазете пиши, продегивай недостатки—в рамках устава. Ну-ка прочти что-нибудь свое.

Котошихин покраснел еще больше, откашлялся и простуженным на дежурствах сиплым басом отрапортовал:

«Я стою на Арбате
И гляжу кой-куда.
О шинельке на вате
Я мечтаю всегда».

— Ишь ты, куда загнул!— рассмеялся начальник.—На вате не полагается, сам знаешь.

— Это я в шутку, товарищ старший лейтенант.

— То-то. Ну ладно, Котошихин. У нас при клубе организуется литературный кружок. Руководить будет спец. Будешь туда ходить заниматься. Ступай пока, Котошихин.

Котошихин повернулся налево кругом, молодецки шелкнул каблуками и вышел. В душе его пели птицы, в голову буйно, как в трамвай, лезли рифмы.

А уже через неделю вечером он сидел в уютной клубной комнате и, благоговей, смотрел прямо в рот хилому молодому человеку, одетому в поношенный, но модный пиджак с обстриженными лацканами.

Молодой человек, малоизвестный поэт Александр Гусятников, слегка подвывая, читал кружковцам свою новую поэму.

После занятий Котошихин пошел провожать Александра Гусятникова. Поддерживая поэта под локоть, он говорил робея:

— Я, товарищ руководитель, сейчас Пушкина насквозь всего читаю. Ночей не сплю. Учусь. Иной раз читаешь из «Медного всадника», вся душа горит!

— Видите ли, Котошихин,—важно ответил поэт,—Пушкин, конечно, Пушкиным, но и современных мастеров нельзя забывать... Не держите меня, голубчик, под руку, а встретим знакомых, подумают, что вы меня арестовали.

— Виноват, товарищ руководитель. А вот еще позволите поинтересоваться: у меня, к примеру, имеется талантлик, или как? Какая будет ваша резолюция?

Я вашу тетрадку просмотрел, Котошихин. Мне кажется, что у вас есть способности. Только вы очень уж Пушкину подражаете. Вам не хватает ритмического разнообразия современности. Скоро выйдет моя книжка, я вам обязательно дам, с автографом. О моих ритмах, знаете, сама Милдгреева писала!

В эту же ночь, стоя на шпаци, на своей тумбочке, озаренный снизу холодным электрическим пламенем, Котошихин сочинил два стихотворения одно за другим. А вернувшись домой и выспавшись,—еще два.

После очередного занятия в клубе он опять пошел провожать Александра Гусятникова. Поэт был с Котошихиным мил и ласков, стихи его похвалил и даже занял у испотевшего от счастья милиционера 15 рублей до послезавтра.

...Было два часа ночи. Котошихин стоял на посту. Пропуская редкие машины, он машинально шептал про себя любимые кованые строки:

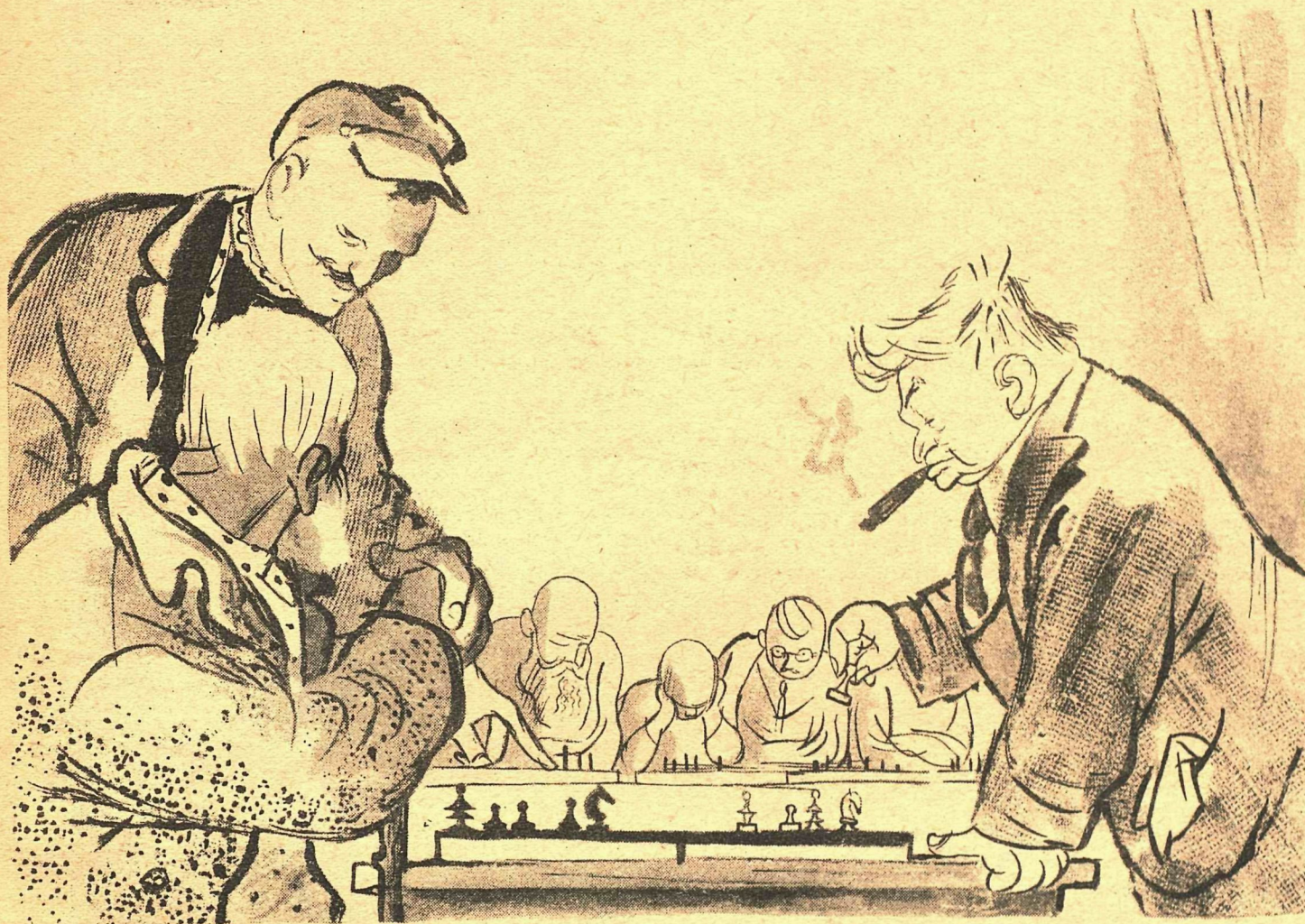
«Бежит и слышит за собой
Как будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой».

Вдруг кто-то сзади тронул Котошихина за рукав шинели.

КОЛХОЗНЫЙ ТУРНИР В РЯЖСКЕ

Рис. Л. Сойфертиса

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА: — Ну, папаша, за этот ход конем мы тебе трудовень запишем!.

Обернувшись, милиционер увидел Александра Гусятникова под руку с краснощеким, кудрявым, как игрушечный баранчик, юношей без шапки. Поэт был пьян. Синеватая бледность покрывала его преждевременно увядшие щеки. Потухшая папироска неприкаянно торчала в углу мокрого рта.

— Привет, Котошихин! — шатаясь сказал Александр Гусятников. — Петька, гляди, это мой уч... уч... ученик. Пишет, дура, под Пушкина. Котошихин, я желаю ходить по площади как хочу: туда и сюда.

— Я на посту стою, товарищ руководитель, — тихо и вежливо сказал Котошихин козырнув. — Нельзя мне с вами разговоры разговаривать. Давайте уйдем без скандала.

Кудрявый юноша без шапки икнул и простонал:

— Саша, пойдем же, мы там рака не доели. Пойдем, ей богу!

— Оставь меня! — взвизгнул поэт, брызгая слюной, — я желаю ходить по площади туда и сюда. Страж порядка, ты знаешь, что про меня написала Милгреева? Она написала, что из Александра Гусятникова талант брызжет сочным гейзером.

— Давайте пройдем, — печально повторил Котошихин, ужасаясь своей пассивности.

— Не буду проходить, — ломался пьяный поэт. — Котошихин, идем со мной на Пушкинскую площадь. Скажешь

там, чтобы Пушкин слез с памятника. Александр Гусятников желает постоять на бронзе!

— Давайте не будем Пушкина трогать, товарищ Гусятников, — настораживаясь, твердо сказал Котошихин.

— Сашка, идем же! Клянусь тебе, что мы не доели рака, — снова простонал кудрявый юноша без шапки.

— Отстань со своим раком! Котошихин, кому сказано: иди, снимай Пушкина. Подумаешь, «цаца» — твой Пушкин. У него в слове «музыка» ударение не там поставлено.

Поблуднев, Котошихин секунды две смотрел на пьяного поэта круглыми от ужаса и возмущения глазами, потом поправил пояс и... поднес ко рту свисток.

Когда подбежал постовой, Котошихин спокойно и деловито помог ему одолеть брыкавшегося Александра Гусятникова и сказал уже обычным металлическим дежурным баском:

— Хулиганил и вообще нарушал порядок. Пушкина «цацей» называл. Между прочим ответите за «цацу», гражданин. Давай его мигом в отделение. В протокол про «цацу» обязательно вставишь, Косцюков.

Подъехал таксомотор, и Александра Гусятникова увезли. Облегченно вздохнув, Котошихин встал на свое место. Полноводной Волгой огней и шумов текла московская ночь. Вдалеке, на Пушкинской площади, бронзовый Александр Сергеевич, склонив голову, думал о своем — о вечном.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ: — Наконец-то я в полной безопасности от этих немецких бандитов! Вся восточная граница на замке!

ПРО ПЕКАРЯ И ПСА

Пес лопухий
У пекаря жил,
Дом, кладовую и двор сторожил.

Даже соседям
Хвостом не вилял,
Редко погладить себя позволял.

Летом
Под грушей валялся в тени,
Прятался в будку в дождливые дни.

Пекарь в пекарню
Работать идет —
Пес провожает его до ворот.

Пекарь домой
Из пекарни идет —
Пес на дороге хозяина ждет.

Нос у хозяина
В белой муке,
Сдобная булочка в левой руке.

Прыгает пес
И виляет хвостом —
Входит хозяин без булочки в дом.

В будке собачьей
Состарился пес,
Пекарь седой бороною оброс.

Пекарю дарят
Пуховый жилет,
Минуло пекарю семьдесят лет.

В самые жаркие
Летние дни
Пес не валяется больше в тени.

Изредка лает
На стук и на скрип,
Выпали зубы, и голос охрип.

Пекарь седой
На прогулку идет —
Пес ковыляет за ним до ворот.

Пекарь всегда
Выбирает пути,
Чтобы, гуляя, в пекарню, зайти,

И постоять
У горячей печи,
И посмотреть, как пекут калачи,

Как над котлом
Поднимают лоток,
Сыпят баранки в крутой кипяток.

Пробует пекарь
Миндаль и муку,
Тесто понюхать дают старику:

Целят в пекарне
Хороший совет:
Минуло пекарю семьдесят лет.

Пекарь домой
Из пекарни идет —
Пес на крылечке хозяина ждет.

Нос у хозяина
В белой муке,
Свежая булочка в левой руке.

Пес на крылечке
Виляет хвостом —
Входит хозяин без булочки в дом.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СКЛОЧНЫЕ СОСЕДИ

Рис. Л. Бродаты

ГОЛОС ИЗ-ЗА ЗАБОРА:— Мы еще немного поднажмем — он и так отдаст...

НИКОЛАЕВА РАЗ'ЯСНЯЕТ

Может ли бракодел считаться стахановцем и премироваться на вечере лучших стахановцев?

Может, раз'ясняет авторитетно инструктор ЦК союза рабочих хлопчатобумажной промышленности Ивановской области Николаева.

«Насчет премирования бракоделов-шлихтовальщиков Киселева и Дудкина,—пишет Николаева,—раз'ясняем: весь шлихтовальный отдел фабрики имени

Лакина работает с браком, а Киселев и Дудкин являются стахановцами, работают также с браком, но они являются инициаторами перехода на сквозные стахановские бригады».

Поздравляем ЦК союза РХБП Ивановской области! Такой инструктор, как Николаева,—просто редкость. Подумать только—такой апломб! И такая вопиющая политическая неграмотность!

ЧТО ЛУЧШЕ ПЕРЕМЕНИТЬ

Это очень грустно, когда человек—дурак. Особенно, если он на ответственной работе.

— Ага,—обидится тов. Ульянов из Главлита Молдавской АССР,—это личный выпад.

Пусть обижается.

Посудите сами. Председатель колхоза имени Буденного тов. Ковальчук вызвал председателя колхоза имени Дзержинского тов. Шмойса на соревнование на наиболее высокий урожай 1937 года.

Очень приятно. Хорошо бы опубликовать этот вызов.

— Что вы, что вы!—махнет руками Ульянов из Главлита.—Вы мне всю политику портите.

Мелким, бисерным почерком он пишет на уголке вызова резолюцию:

«Политически неверно, когда вызывают орденоснца, а лучше было бы наоборот, чтобы Шмойс вызвал. Переменить статью и вернуть Главлиту. Ульянов».

Право, непонятно, зачем «переменить статью и вернуть Главлиту», когда значительно удобнее и проще переменить и вернуть Главлиту УССР Ульянова?

ТЕКУЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Город Валенсия находится не в Гамбурге, а в Испании. Сообщаем об этом редактору ленинградской газеты «Стахановец» для сведения и руководства.

Так что писать (№ 127/336), что «в Валенсии (город в Гамбурге)

состоялась демонстрация сорока тысяч женщин-антифашисток», не следует.

Нечего пугать антифашистские выступления! В Валенсии—свое антифашистское движение, а в Гамбурге—свое.

САМАЯ ВЕРНАЯ ОХОТА

Когда-то в Одессе был довольно детально разработан самый верный способ охоты на львов: Берется пустыня и весь ее песок просеивается через решето. Поскольку львы проживают среди песков, лев в конце концов неминуемо останется в решете. Что и требовалось доказать.

Несмотря на исключительную теоретическую обоснованность этого метода охоты консервативные охотники по сей день продолжают из-за чисто практических соображений игнорировать его.

Зато с лисицами дело обстоит куда проще. На помощь охотникам в этом вопросе приходит газета «Красный спорт». В номере от 13 декабря она поместила специальную статью «Охота на лисицу по снегу с флагами». Из этой статьи мы узнаем, что «охота с флагами—самая верная охота на лисицу по снегу».

Оказывается, это довольно просто. Нужно обложить место лежки лисицы кругом километра в 2—3. Когда лиса обложена, круг затягивается флажками: Для этого употребляется бичевка длиной 2—3 километра с насаженными на нее красными флажками. Флажки делаются из кумача, каждый размером примерно 15×30 сантиметров. На каждый метр бичевки насаживается один флажок». В кругу оставляется выход, в который и надлежит гнать лисицу. И тут же в нее стрелять.

Итак, для того чтобы выстрелить в лисицу, нужно предварительно притащить с собой два—три километра бичевки и две—три тысячи флажков. Эти две—три тысячи флажков общей площадью около одного миллиона трехсотпятидесяти тысяч квадратных сантиметров нужно аккуратно напихать на два—три километра бичевки, соблюдая метровую дистанцию между ними, развешать все это на окружающих елочках. Продолав эту пониную титаническую работу, охотники, еле держась на ногах от усталости, гонят лису и, если им повезет, подстреливают ее.

Как говорится, мерси за такую самую верную охоту.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Разрешите на твоих страницах сказать широкое районное «спасибо» правлению Центросоюза в лице гг. Зеленского и Сальковской за чуткое отношение к низовой печати.

Другие организации то так, то этак теребят районные редакции, а Центросоюз, наоборот, не беспокоит. Он даже премии, присужденной нам еще в прошлом году за хорошее освещение всесоюзного смотра лавок сельпо, не высылают: не хочет беспокоить районных газетчиков. Велосипед врид. редактору прислал, а остальное—ни-ни. Мы, грешным делом, сами побеспокоили Центросоюз. Наш сотрудник, будучи в Москве, зашел туда и узнал, что Центросоюз якобы изменил после окончания смотра свое постановление и решил общих премий не давать, а просто раздать нашим редакторам по велосипеду. Так ли это, мы не знаем. На все наши запросы Центросоюз отвечает молчанием, опять-таки, должно быть, чтобы не беспокоить работников редакции. Вот за эту «чуткость» мы и хотим, уважаемый Крокодил, с твоей помощью публично поблагодарить тов. Зеленского.

Редакция маловишерской районной газеты «Большевик».

Малая Вишера, Ленинградская обл.

Дорогой Крокодил!

Не порекомендуешь ли ты состав, делающий кожаные пальто непригодными в пищу. Без него я боюсь ехать в Ворошиловград. Недавно я там остановился в гостинице и сдал на ночь на хранение свое кожаное пальто. Наутро мне его возвратили изъеденным крысами. Все обошлось чинно, благородно. Администрация гостиницы не только не ругала меня за то, что я развещаю их крыс такими изысканными кушаньями, но даже оплатила стоимость починки пальто. Правда, пальто стало значительно короче и теперь больше смахивает на тужурку, но носить можно. Значительно хуже придется мне, если я еще раз

остановлюсь в ворошиловградской гостинице. Боюсь, как бы тогда мое бывшее пальто не сократилось до размеров телогрейки. Вот это уже будет плохо.

А. Слуцковский.

Сталино.

Дорогой Крокодил!

В операционном зале буйнакского отделения Госбанка висит объявление:

Товарищи клиенты! Если Вас в банке задержат больше 10 минут, просьба заявить управляющему.

Хорошее объявление. Правильное. Беда лишь в том, что клиенту нет никакого расчета жаловаться управляющему Ш. Аккаеву, ибо последний никогда не сидит на месте и ожидать его, порой, приходится по пяти—шести часов. «Врачу — исцелися сам!» — сказано совсем по другому поводу, но очень правильно, в одном древнем альманахе двенадцати авторов.

Н. Алексеев.

Буйнакск, Дагестан

Дорогой Крокодилушка!

Сегодня охрана материнства и младенчества (17-й пункт) прислала лично мне открытку, чтобы я явилась на прививку. Если не явлюсь, меня оштрафуют на сто рублей. Скажи, пожалуйста, этой охране, что мне нету даже и трех лет и я все равно ни читать, ни писать еще не умею. Так что пусть не торопится. Это письмо тебе пишет мой папа. Прилагаю свой портретик. Это я со своей куклой, и я ей прививку уже сделала сама.

Альберта Хохлова.

Ленинград

— Наши офицеры — народ культурный. Читают, пишут, некоторые, как вы видите, даже побывали за границей.

Уважаемый Крокодил!

Не кажется ли тебе, что работники нашего Молдавского Главлита должны расширять свои познания в области литературы не путем бесед с редакторами газет, а систематическим регулярным чтением хотя бы наиболее известных литературных произведений. Дело в том, что месяца полтора назад один из работников

Главлита, по фамилии Анчаров, на целых полчаса задержал областную газету «Социалистическая Молдавия». Ему, видите ли, показался подозрительным портрет нашего любимого комсомольского писателя Николая Островского.

— Что это за Островский, о котором я ничего не слышал? Нельзя ли заменить это клише каким-нибудь другим? Это очень характерно, что

Анчаров именно не слышал ничего об Островском, точно так же, как он, очевидно, по слухам только знаком с произведениями других виднейших советских писателей.

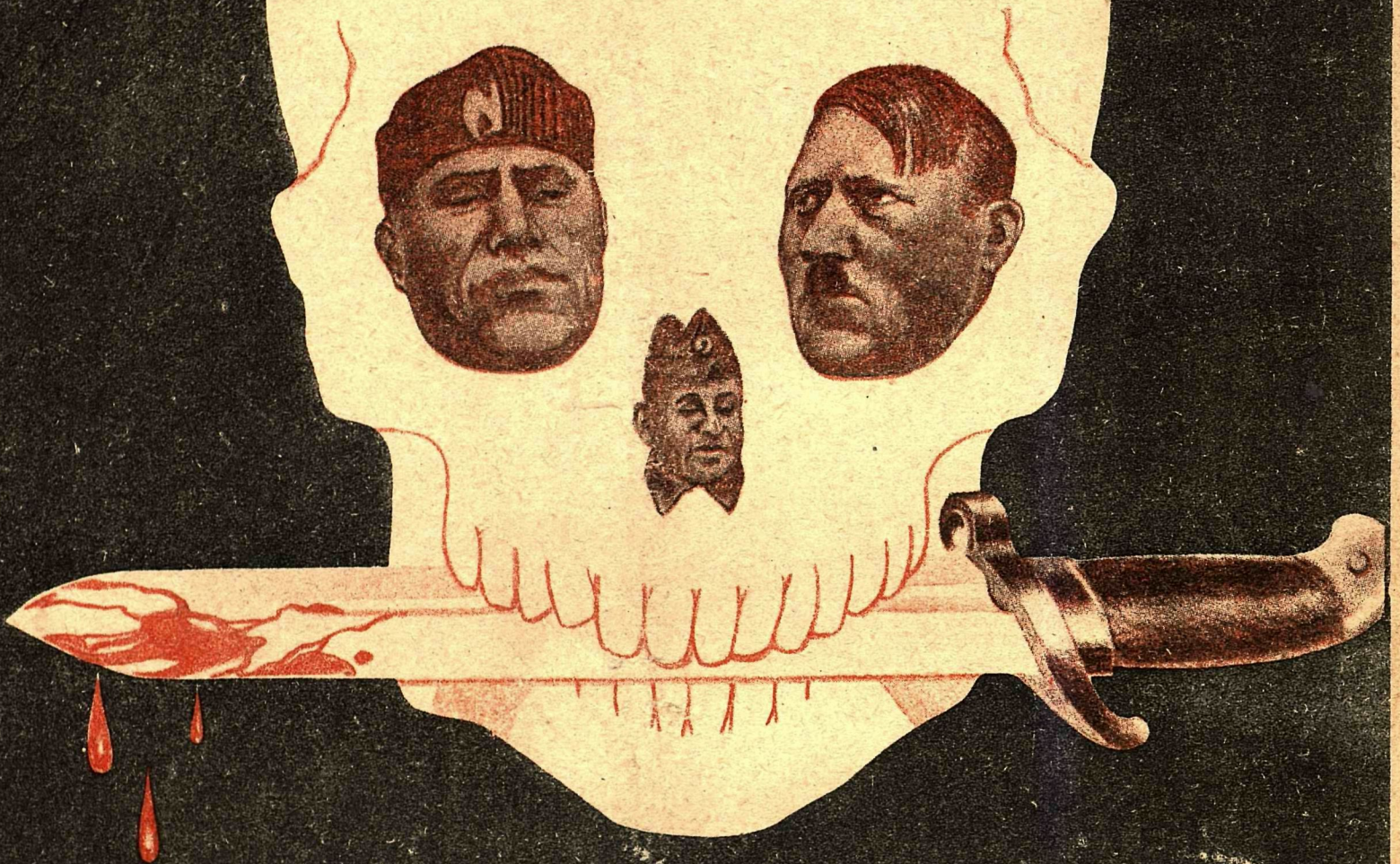
Пришлось добрых полчаса убеждать этого, по меньшей мере, безграмотного сотрудника Главлита, что Николай Островский — известнейший советский писатель и орденосец.

Теперь, после смерти тов. Островского, Анчаров, наверное, узнал уже из газет (если он их читает) о том, кто такой был покойный писатель и как называются его произведения. Но неужели только по некрологам тов. Анчаров будет и в дальнейшем знакомиться с нашими писателями?

А. Кириченко.

Тирасполь

9 ЯНВ. 1937

ПИРАТСКОЕ ЗНАМЯ